18+

ВСЁ ВКЛЮЧЕНО

Татьяна Кузнецова

Татьяна Кузнецова
Всё включено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67871799
ISBN 9785005675262

Аннотация

Жизнь научилась так искусно дурачить нас, что не стоит и пытаться разобраться – плоха она или хороша. Приходится терпеть её переменчивый характер: держаться из последних сил под её ударами или блаженствовать, когда она соизволит вдруг сменить гнев на милость. Мы и представить не можем, какие ещё сюрпризы есть у неё в арсенале. Всё включено!

Содержание

Мусульманка	5
Доверяю!	21
Шесть дней достаточно	32
Плюс, минус	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Всё включено

Татьяна Кузнецова

© Татьяна Кузнецова, 2022

ISBN 978-5-0056-7526-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мусульманка

Тот, кто думает, что под одеждами мусульманки прячется сама покорность, глубоко заблуждается. Светлана никогда не была покорной. Впрочем, и Светланой она не была. Это имя приклеилось к ней уже в мединституте. Кто-то в шутку назвал её так – понравилось. Красивое, светлое имя подходило ей – голубоглазой, улыбчивой. А вообще-то имя ее – Сабират. Может быть, оно определило её жёсткий, как говорила родня, мужской характер. А может быть, безграничная любовь родителей и старшего брата сформировали её открытой, независимой, уверенной в себе. Или уж такой она родилась?

В школе Сабират была заводилой, всё время в первых рядах – что-то организовывала, где-то выступала. С ранних лет познав сладость внимания аудитории, восхищения своей персоной, она мечтала стать актрисой. Сколько раз мама прятала улыбку, наблюдая, как её дочь картинно заламывала руки перед зеркалом, заучивая заданное на дом стихотворение. К окончанию школы Сабират была уже твердо уверена в правильности выбранного пути, но после озвучивания своего решения услышала твердое родительское «нет». И не посмела воспротивиться. Хватит и того, что вопреки планам родителей она отнесла этот проклятый чемодан, который, как ей казалось, лишил ее детства.

Чемодан появился в доме, когда ей исполнилось десять лет. В нём были отрезы, золотые часы, кольца, серьги – все то, что может растопить сердце будущей невесты и её родителей и стать материальным подкреплением давней договорённости двух мужчин из горного аула, порешивших однажды за бутылкой вина связать в будущем узами брака своих детей: трёхлетнюю Сабират и восьмилетнего Ислама. С тех пор чемодан не давал Сабират покоя. Она ненавидела его так же, как и ни в чем не повинного Ислама. Когда она видела этого мальчишку в школе, ей казалось, что хуже человека нет во всем мире. Ей предстояло стать его женой сразу после окончания школы. Когда Сабират тайно, так, чтобы никто не видел, отнесла этот чемодан родственникам своего жениха и попросила передать, что никогда не выйдет за Ислама, началась та ещё история… Не однажды приходила родня жениха, стыдила, уговаривала, требовала, грозила, мол, похитим! Ничто не помогло. В конце концов смирились все. Это было первым жизненным испытанием, в котором выстояла невысокая, такая хрупкая на вид девушка.

– Давай жить отдельно, – просила жена.

– Что ты? Как я могу оставить родителей, ведь они старые? (Это в пятьдесят лет?)

И опять взбунтовалось непокорное сердце Сабират. Решила, как отрезала, – ухожу! Нет, любовь не прошла, но она поступала хладнокровно и обдуманно, так, чтобы не было дороги назад. Это мужчине просто разорвать брачные узы,

достаточно трижды сказать «талак!». Сабират пришлось договориться с муллой, пригласить свидетелей, со стороны своих родственников – чужих людей (свои бы ни за что не согласились поддержать развод), со стороны жениха – уважаемых старейшин. И после того, как обряд был проведен, забрав годовалую дочь, Сабират вернулась в дом к родителям. Конечно, они не обрадовались такому повороту дела, но смирились, зная своенравный характер дочери. Расторгнуть гражданский брачный договор оказалось формальным делом. И вот со старой фамилией и новым именем Светлана, разведённая, с дочкой на руках (ну и что?) и с гордо поднятой головой, она наконец – студентка медицинского института. Ладненькую, смешливую девушку сразу заметили не только парни первого, но и старших курсов. Мухамад, хоть и был на два года младше Светланы, учился на два курса выше. Он стал ходить за девушкой как приклеенный. Сопровождал повсюду, подпирал ворота её калитки и настойчиво звал замуж. Светлана не была готова к новым отношениям, хоть рана уже и не кровоточила. «Не ходи за мной. Я никогда не выйду за тебя. Я тебя не люблю и никогда не полюблю», – была она предельно откровенна. «Полюбишь», – думал он и не менял своей тактики. Видя их все время вместе, никто из парней не решался даже приблизиться к Светлане. Все уже давно считали их парой. «Почему они не женятся?» – недоумевали многие. Родные испытывали неловкость от такого положения дел. Последнюю каплю уронила

дальняя родственница Светланы – нисколько не сомневаясь в масштабе их с Мухамадом отношений, назвала Светлану проституткой. Это был удар ниже пояса. Светлана плакала всю ночь, и уже на следующий день, как только влюбленный юноша вновь заговорил о женитьбе, она дала согласие. «Но знай, что ты взял меня измором. Я никогда не смогу полюбить тебя», – опять предупреждала она. «Полюбишь», – упрямо думал он. Она оканчивала пятый курс института, он уже два года работал врачом- терапевтом в поликлинике. Родители жениха не пришли в восторг от выбора сына. Разведённая? Да ещё с ребенком? Кому ж понравится… И они выдвинули ультиматум – или мы, или она. Не колеблясь ни минуты, он выбрал её.

Светлана настороженно следила, как складываются отношения её пятилетней дочери с новоявленным отцом, будто ожидая повода для принятия очередного кардинального решения. Девочка сразу приняла «папу», упрекнуть Мухамада тоже было абсолютно не в чем, и Светлана успокоилась. Более того, характеры мужа и его приемной дочери были удивительным образом похожи – оба неторопливы, степенны и рассудительны. Светлана не повторила своей ошибки – теперь они жили отдельно от родителей. Сначала снимали квартиру, потом было семейное общежитие, пока наконец не обзавелись собственным жильём. Казалось, всё должно быть хорошо, но, несмотря на рождение их совместного ребёнка, чувства не проснулись в женщине. Напротив, стано-

вилось всё хуже. Каждый вечер, как могла, она оттягивала момент, когда нужно было ложиться в постель.

– Светлана! Я жду тебя! – звал он из спальни.

– Да, да… ты спи, я тут ещё немного…

Он не был романтиком и простосердечно не мог понять, что хочет эта женщина. «Ну что, пойдем?» – кивал он в сторону спальни среди бела дня. Она не хотела, не могла, сопротивлялась, отбивалась. Порой постельные сцены перерастали в баталии. «Уйди! Ненавижу! Чтоб ты сдох!» – задыхаясь, кричала она. Швыряла то в стену, то в него тем, что было в руках. А однажды схватилась за нож. Он, вырывая его из рук жены, разрезал ей ладонь. Вся кухня была залита кровью. «Мы думали, вы там поубиваете друг друга», – испуганно шептала ей утром соседка. «Да всё нормально!» – одаривала её Светлана лучезарной улыбкой, спеша на работу. Часто он почти не реагировал на эмоциональные всплески жены, считая их женскими капризами. Когда иссякал поток её ругательств, подходил и брал за руку. «Как ты можешь? Мы только что ругались!» – резко вырывала она свою руку. Иногда на её угрозы, что вот, мол, уйдёт, он тоже начинал кричать: «Только попробуй! Я тебя из-под земли достану! Убью!» (Ведь тоже не железный.)

– Если бы у нас в стране был закон о наказании за изнасилование жён, ты бы из тюрьмы не вылезал, – говорила она, – неужели ты не можешь подождать, когда я сама…

– Мне пришлось бы ждать всю жизнь. Этого никогда

не случится.

Её раздражало в нем все. И то, как он ставил свою обувь дома у порога, и то, как жевал, медленно ворочая челюстями, и как со скучным видом молчал за праздничным столом во время общей оживлённой беседы, а если говорил, то обязательно какую-нибудь, как ей казалось, глупость, и дальше профессиональных тем его интересы не распространялись. Не мог вспомнить ни одного анекдота, а над рассказанными другими – не смеялся. Дома был нетороплив и величественен, как царь.

– Зайка, подай мне этот чай, – звал он младшую дочь, вальяжно развалившись в кресле.

И она, впорхнув в комнату, хорошенькая, так сильно похожая на него, что было бы не отличить, будь она парнем, протягивает отцу чашку, находящуюся от него на расстоянии вытянутой руки, и исчезает быстро, как серна.

– Зайка, возьми! – снова зовёт он, выпив чай.

Дочерей оберегали от скандалов. Но в семье не утаить секретов. Девочки догадывались о разладе между родителями. Старшая не вмешивалась в их отношения. Подросшая младшая, характером вся в мать, иногда уже начинала покрикивать на отца.

– Не смей! – осекала её мать. – Это твой отец. Он любит тебя. Он всё для тебя делает.

– Да мне тебя жалко!

– Не надо меня жалеть! Я сама разберусь со своим мужем.

Я взрослая, самодостаточная женщина. Меня не нужно защищать! А ты, будь добра, уважай своего отца!

Тридцать лет. Тридцать лет они вместе. Она пыталась анализировать, что называется, работала над собой. Читала соответствующую литературу. Синельников стал её любимым автором. Она начала следовать его советам. Преодолевая себя, однажды стала ласкаться к мужу. Он оторопело посмотрел на неё и спросил: «Ты что, заболела?» И опять всё вернулось в прежнее русло. Она умышленно провоцировала его на скандалы, надеясь, что он не выдержит – уйдёт. «Я устала. Что сделать, чтобы ты ушел? Ну, заведи ты себе кого-нибудь. Только так, чтобы я не знала. Ну, хочешь, я сниму квартиру для твоей любовницы? – говорила она. – Только оставь меня в покое». Завести любовницу ему было бы не сложно, женщины поглядывали него. И даже за вторую жену его никто бы не осудил. Но на это Светлана никогда бы не согласилась. Как только она задумывалась о такой возможности, пальцы её руки самопроизвольно сжимались в кукиш.

Ну почему она не такая, как все? Ведь большинство девочек видят в замужестве свою основную миссию. С гордостью хвастаются подружкам, что уже просватаны. Все девичьи разговоры крутятся вокруг этой темы. У кого не состоялся ранний брак, готовы стать второй женой какого угодно мужчины. А там уж разберётся, что к чему, – заведёт любовника, в конце концов, но, конечно, тихо-тихо, чтоб никто не догадался, чтоб и тень подозрения не коснулась её про-

сторного покрывала. Не доверяла Светлана этим тихоням, таким покорным с виду. А тех, кто оставлял для общения с миром одни глаза, боялась. Сама она никогда не пряталась за одеждами, любила все яркое, слыла модницей, была эталоном для многих женщин в её окружении. Ох и удивила она своих одногруппников, когда однажды во время студенческой практики на вопрос зоотехника: «Кто-нибудь может подоить корову?» – выкрикнула: «Я!» И, усевшись на замусоленный табурет в туфлях с десятисантиметровыми шпильками, уверенно заработала своими

пальцами с ярким маникюром. Шокированные ребята аплодировали, стоя кругом за её спиной.

Видно, слишком высокую планку задала она мужчине, который должен быть с нею рядом. И есть ли вообще на свете такие мужчины, как её отец и её старший брат Арсланбек, которых она уважала бесконечно и считала эталонами во всем. Особенно ей был близок брат. Гордый красавец, умница. Всё знал, все умел. Где бы он ни находился, она всегда знала, что он за её спиной, и ничего не боялась. В любой момент прикроет, защитит. Она гордилась братом и старалась соответствовать ему, боялась подвести. Потому и училась в школе хорошо, потому и в институт поступила и везде старалась быть первой. И всё для того, чтобы он, обняв её за плечо, мог с гордостью представлять своим друзьям: «Это моя сестра».

Карьера Светланы стремительно шла вверх. Врачом-хи-

ургом она проработала в стационаре всего два года, а дальше с лёгкостью начала шагать по ступеням карьерной лестницы, пока наконец не заняла один из высоких постов в области медицины в республике. Среди её близких друзей было много известных людей: высокопоставленных чиновников, бизнесменов, даже политиков. Муж по-прежнему работал терапевтом в местной поликлинике. «Конечно, тебя все любят, – говорил он с завистью и с лёгкой обидой, – ты всем улыбаешься». Да, её любили. Потому что она любила людей и никогда не делила их на высших и низших. Для нее существовали только две категории – порядочные и нет. С одинаковым уважением относилась она и к министру республики, и к техничке Шахрузат, убирающей её кабинет. Она умела говорить с каждым на его языке и никогда не отказывала в помощи. Если в чём-то не была уверена, молчала и внимательно слушала, и отстаивала своё мнение, только когда была уверена даже не на сто, а на все сто пятьдесят процентов. Ни перед кем не заискивала, а была открыта и естественна. Однажды в беседе с высокопоставленным чиновником у неё вдруг вырвалось: «Да на хрена это нужно?» Собеседник удивился, хоть вида не подал. А дальше в разговоре то ли ей в поддержку, то ли сбросив напряжение, вставил словечко «хренотень». И всё, они уже были на одной волне, им стало легко общаться. Многие считали за честь дружить с ней. Когда выходила замуж её младшая дочь, на свадьбу которой было приглашено семьсот человек (больше банкетный зал

не мог вместить), кое-кто, не попав на торжество, обиделся. Были ли в окружении Светланы достойные мужчины, заслуживающие её внимания? Да, были. И даже не один. Но она никогда бы не позволила себе протянуть руку к чужому счастью.

Светлане и её семье пришлось пережить страшную драму. Арсланбек исчез. Его просто не стало. Однажды он не появился ни дома, ни на работе. Лишь через два дня нашли в поле его джип с распахнутой дверцей. В эти страшные девяностые годы подобное не было редкостью – людей похищали. Родные сходили с ума. Был объявлен розыск. Фотография улыбающегося Арсланбека каждый день появлялась в новостях на телевидении, просили хоть какой-нибудь информации. Ответом было молчание. И вот через месяц, дождавшись, когда друзья и родные, измученные ожиданием, будут готовы на любые условия, была передана кассета с записью истязаний. Несчастного Арсланбека избивали, выкручивали ему суставы и всячески унижали. Они требовали выкуп – миллион долларов, в противном случае – убьют. У этих нелюдей ещё осталась капля чего-то человеческого – кассету они отправили не родителям, а друзьям Арслана и стали ждать. Больше его не били, а бросили в подвал обычного дома, где проживала семья. Свет не проникал сюда, под потолком висела лампочка, но голоса слышны были хорошо. Арслан мог понять, что наступила ночь, по тому, что переставал слышаться топоток детских ножек у него над головой и за-

тихали голоса взрослых. Тогда он гасил лампочку и пытался заснуть. Он мог вытянуться на топчане во весь рост, но стоя сделать этого не мог – потолок был слишком низким. Один раз в день ему забрасывали воду в кувшине и кусок хлеба. Чтобы увеличить объём пищи, Арслан размачивал хлеб в воде и не жевал, почти выпивал его.

Слава Аллаху, его не лишили книг, это помогло ему остаться человеком, не сойти с ума. Понемногу он начал понимать отдельные слова чужой речи. А через полгода к четырем языкам, которыми владел: аварскому, русскому, английскому, арабскому, он добавил ещё и чеченский.

Арсланбек отличался не только способностями, но и пытливостью ума и трудолюбием. За что, собственно, и страдал сейчас. Он успел многого добиться. Окончив школу и отслужив, как положено, в армии, устроился разнорабочим на птицефабрику и к моменту окончания юридического факультета университета был уже её директором. Когда предприятие стало акционерным, выкупив пятьдесят один процент акций, он смог уже устраивать здесь всё на свой лад. Фабрика расширилась, появилось новое оборудование, новые технологии. Зарплата у работников значительно выросла, люди были благодарны ему. И сам он стал известным и богатым. В какой-то период был избран депутатом в городскую думу. Ему завидовали не столь успешные люди. Кое-кто не прочь был занять его место. И совершилось предательство. Дали наводку нечистоплотным людям, скорее все-

го, войдя с ними в долю… О чём-то таком догадывался Арслан, сидя в заточении.

Деньги на выкуп собирали по всей республике, но набрать требуемую сумму всё равно не смогли. Двести тысяч долларов и тот самый джип Арслана, брошенный в поле, в конце концов решили вопрос. Когда Светлана бросилась, чтобы обнять брата при встрече, он издал стон – всё тело болело. И впредь, желая предотвратить прикосновения друзей, желающих выразить свою поддержку и сочувствие, Арслан выставлял вперёд руки: «Тихо, тихо… Не надо». Он был настолько худ, что просматривались все до единой косточки скелета. Как хорошо, что она медик! Она смогла выходить его. Убегая на работу, оставляла лекарства и чёткие указания помощникам, что делать. Арслан много спал. Ему пришлось восстанавливать утраченный жевательный рефлекс и почти заново учиться ходить. И всё-таки они победили. Меньше чем через год он вернулся к своей работе. Он продолжал анализировать и уже многое понял. «Самое страшное, – говорил он сестре, – пожимать руку своему врагу». И ещё он говорил, что лучше умереть львом, чем жить собакой. Львов не любят, их боятся и, если не могут превратить в собак, убивают. Так и случилось с этим сильным, непокорным человеком. Через пять лет после возвращения из плена он точно так же не появился ни вечером дома, ни утром на работе. Работники фабрики из окон могли видеть на пригорке у реки его новый джип с распахнутой двер-

цей, к которому боялись приблизиться. Тело с простреленной грудью покачивалось у берега на волнах.

Теперь Светлана понимала, что, несмотря на многочисленную родню, за её спиной никто не стоит. Всевышний пощадил её родителей – они не дожили до этого страшного дня. Первым ушел отец, следом через год – мама. Она одна. И теперь ей предстоит всю ответственность брать на себя. Она стала сжатой пружиной, ещё немного, и выстрелит. На работе была как во сне, забыла про мужа, про дочек… «Найду! Отомщу!» – думала она, сама толком не понимая как. Она нанимала одного за другим частных детективов, и они один за другим, проделав определенные расследования, отказывались от работы, пряча глаза. А последний выразился прямо: «Мне сказали, чтоб передал – пусть она успокоится, перестанет дёргаться… Предупреди…»

Теперь ей предстоит всю ответственность брать на себя.

И тогда она записалась к нему на приём. За неделю. Он был очень занятой. Тот самый, которому Арсланбеку так трудно было жать его руку. Ей просто хотелось посмотреть в его глаза, и тогда она сразу поймет – это он? Он ничем себя не выдал. Обнял за плечи, приносил соболезнования, предлагал помощь. И она осталась одна со своим горем. И ещё с Аллахом. Постелив коврик у себя в уголочке, повернувшись лицом к Мекке, она читала и читала молитвы, которым научила ее бабушка. Светлана не знала, как перевести слова, которые звучали в молитве, она не владела арабским (а Арсланбек владел), но была уверена, что Всевышний слышит ее. Точно так же, как в детстве она была уверена, что Аллах видит и слышит их, когда, подперев щеки руками, они с братом слушали, как отец читал им Коран. Своим красивым голосом. Читал, будто пел.

Пятьдесят три года – это не тот возраст, когда стоит задуматься о смерти, и всё же как-то раз при удобном случае она объела бы быть похороненной в том самом ауле, где она родилась, где покоятся её бабушка с дедом, мама, отец и её любимый брат, где гуляет ветер по пустым комнатам ветшающего дома. Дома её предков. Детская память почти не сохранила воспоминаний о родовом гнезде. Своё представление о горном ауле на двести хозяйств, брошенном чьей-то рукой на скалы, с домами, будто приклеенными к камен-

ным громадам, с тощими жилистыми коровами, ползающими почти по вертикальным поверхностям гор в поисках скудной растительности, и с такими гостеприимными, открытыми, настоящими людьми, Светлана формировала уже по своим последующим приездам к родственникам то на праздники, то по поводу печальных дат. В первый свой приезд, когда утром она увидела, по какой дороге везли её ночью, у неё началась истерика, и она ни за что не соглашалась сесть в машину, чтобы опять ехать по этой узкой дороге с вбитыми в скалу деревянными шпалами, серпантином вьющейся над бездонной пропастью. Так и просидела всю дорогу с закрытыми глазами. Потом привыкла и полюбила эти суровые и такие красивые места. Где-то на уровне подсознания она всегда знала, из какого гнезда вылетела и куда рано или поздно вернётся.

– Что ты, мама, мы ведь не сможем часто там бывать!

– Раз в год приедете – и хорошо. А чаще и не надо.

Горный аул на двести хозяйств, брошенный чьей-то рукой на скалы.

Доверяю!

Не могу понять людей, которые боятся летать самолётом. Для меня это всегда праздник! Но подруга, с которой нам предстояло вместе возвращаться из Сочи, была другого мнения: «Я как сяду, не могу дождаться, когда спиртное принесут, только после этого немного отпускает. Клаустрофобия! В маленьких вообще не могу летать: потолок низкий, воздуха мало – задыхаюсь». Наверное, я отчаянная, а может просто позитивная, а скорее всего – доверчивая. Гороскоп, кстати, говорит, что доверчивость – главная черта моего характера. Доверяю всем: водителю машины, который только вчера впервые получил права; своей тринадцатилетней дочери, думая, что она рассказывает мне всё-всё, как самой лучшей подруге; мужу, который, я знаю, любит меня, а раз любит, значит, не изменяет никогда-никогда. Не самая плохая черта характера. Хоть и не лишает меня разочарований в жизни, но здоровье сохраняет – это точно. Вот, правда, не знаю, как насчёт жизни… Никогда не выпускающая из рук смартфон подруга уже почерпнула из бездонного интернета сведения о лайнере, на котором нам предстояло лететь.

– Боинг двухэтажный, вмещает пятьсот двадцать два пассажира, год выпуска 1988.

– У-у, какой старенький, – равнодушно прокомментировала я.

Места в этот раз нам достались классные. Правда, иллюминатор находился над крылом с прикреплёнными к нему двумя подрагивающими двигателями, загораживая обзор бескрайнего неба, зато это с лихвой компенсировалось большим свободным пространством вокруг нас. Кресел перед нами не было, мы сидели в первом ряду второго салона, что позволяло вытянуть ноги во всю длину. Сразу за короткой перегородкой находился запасный выход, а за ним простирался передний отсек лайнера. Двигатели уже работали, услаждая слух приятным гулом, обещавшим мягкую посадку в аэропорту «Шереметьево» всего через два часа пять минут. Правда, этот гул перекрывался хрипом радио, бившим нам прямо в затылки. Время от времени сквозь хрип прорывался голос командира корабля. Хоть и приходилось напряжённо прислушиваться, всё же все поняли, что самолёт готов к взлёту, вот только переждём грозу. Командир не обманывал, по наружным стёклам иллюминаторов косыми струями хлестал дождь. Конечно, ничего, переждём, а то ведь самолёту нужно делать разворот прямо над Чёрным морем, а там, как было сказано, крутит смерч.

Время летело быстро. Собеседник у нас был очень интересным. Американец, как позже окрестили его мы с подругой. Он был одним из тех людей, с которыми легко общаться с первой минуты, будто вы знакомы не один год. Среднего роста, среднего возраста, вот только телосложения не среднего – живот вздымался горой, хоть стакан чаю ставь.

Но полнота совсем не делала его пассивным и неповоротливым. Живые чёрные глаза, выразительная жестикуляция и быстрая речь выдавали в нём человека энергичного и решительного. Он возвращался к себе на родину. Теперь его родиной была Америка. Раньше – Россия. Мне было любопытно узнать из первых уст, а как там живётся нашим.

– Давно в Америке? Привыкли уже? Язык освоили?

– Да, конечно. Так уже больше десяти лет. Да там все наши. Весь Брайтон—Бич говорит на русском. Идёшь – доброе утро, доброе утро, о, привет!

– У вас там кто-то был уже? Было где остановиться?

– Да, были друзья. Да к тому же я – еврей, – сообщил он доверительно, лукаво сверкнув глазами.

– Трудно было?

– Поначалу да. Что только не приходилось делать, чем заниматься! С официанта начинал. Конечно, надо попахать, чтобы чего-то добиться. Просто так ничего не даётся.

– Пахать надо везде.

– Но в Америке хоть знаешь, что твои труды будут оплачены, а в России сколько не упирайся…, – и дальше он очень много не лестного сказал про Россию.

– А я люблю Россию, – виновато проговорила я.

– Да я тоже люблю. Я руководителей не люблю. Пересажать всех надо!

– А сейчас чем занимаетесь?

– Бизнес, – уклончиво ответил он, но потом пояснил, –

вот в Абхазию ездил, договаривался о покупке земли. Там столько земли пропадает! Золотое дно!

– У вас образование какое-то соответствующее?

– Да нет, так подучиваюсь по ходу дела. А как без этого? Никуда. У меня сын «Гарвард» закончил.

– Тоже в бизнесе?

– Да нет, – он махнул рукой и просопел недовольно, – шибко умный.

От интересной беседы отвлёк гневный мужской голос за нашими спинами: «Выключите, пожалуйста, радио! Это же ужас какой-то! Уже голова раскалывается!» Стюардесса мягким голосом с улыбкой сообщила, что сейчас это сделать невозможно. Как только боинг приземлится, экипаж немедленно примет меры, чтобы устранить неисправность. Удивительный народ эти стюардессы, они любую информацию дают с улыбкой. Любую! Самую неблагоприятную, о которой сами знают (или догадываются) чуть больше, чем говорят пассажирам. Понимаю – инструкции! Тут мы обратили внимание, что почему-то очень долго не взлетаем. Оказалось, уже почти два часа. Стёкла иллюминаторов давно высохли, за ними полыхает яркое солнце. Лайнер, урча, медленно передвигается из одной точки взлётного поля в другую, как будто заблудился и не может отыскать свою взлётную полосу.

– Почему не взлетаем? – пытались прояснить ситуацию пассажиры.

– Сейчас заправят самолёт, – улыбалась стюардесса.

И в самом деле, мы видели через иллюминатор, что внизу под высоким боингом маневрирует заправщик с длинным шлангом.

– А почему делают дозаправку, мы же были готовы к взлёту?

– Двигатели всё время работали, шёл расход горючего, – вполне резонный ответ официальных лиц.

Наконец взлетели. Уф! Ну, ещё пару часов потерпим. Но через два часа сквозь хрип динамиков пунктиром прорезался голос командира корабля, который доверительно сообщал, что в самолёт попала молния, кабина частично разгерметизирована, это не позволяет лететь на заданной высоте, и через полчаса наш лайнер совершит посадку в аэропорту города Ростова на Дону. Ещё не лучше. Терпеливые пассажиры понимали, что ситуация складывается не в их пользу, но не роптали.

Ещё через полчаса прозвучало сообщение, что лайнер пошел на снижение в аэропорту города Сочи и настойчивая просьба всем пристегнуть ремни и приготовиться к аварийной посадке. Среди пассажиров нарастало напряжение. Мой эмоциональный сосед бушевал: «Если бы такое случилось в Америке, тут бы баблом всех завалили! Они должны всех накормить бесплатно и гостиницу предоставить. Пусть только попробуют это не сделать! Я этого так не оставлю! Вон пойду и из туалета позвоню Эрнсту. Они знаешь, как за такие

новости хватаются! Завтра весь мир будет знать! – он совсем расходился, ёрзал в кресле, подпрыгивал, порываясь встать.

Сели. Лайнер двигался уже по земле, всё замедляя скорость, и, наконец, остановился. Несмотря на непрерывные призывы оставаться на местах, все уже стояли плотной пробкой, заполняя проходы. Голова пробки была у запасного выхода самолёта. Расположение наших кресел позволило нам с подругой оказаться в первом ряду этой пробки.

– Откройте двери, дышать нечем! Дети задыхаются! – звучали женские голоса с истерическими нотками. И будто в подтверждение этих слов то здесь, то там раздавался детский плач.

– Кому трудно дышать, пройдите, пожалуйста, в первый салон, – объявила стюардесса, прекрасно понимая невыполнимость этих рекомендаций. Молодой худенький стюард стоял, прижавшись спиной к двери запасного выхода, руки крестом, как на распятии, улыбался и успокаивал, как мог. Толпа гудела: «Почему не открывают двери?» Густым басом выделялся один голос. Именно к его обладателю обратился стюард, адресуя на самом деле свои слова всем, слышащим его:

– Как вас зовут?

– Сергей.

– Сергей, мы выполняем указания командира корабля. Всё идёт по плану. Посадка прошла успешно. У нас очень опытный экипаж. Наберитесь немного терпения, как только

будет подан трап, пассажиры смогут покинуть лайнер, – все эти слова сопровождались улыбкой, и – ни тени паники в лице.

Люди терпели. Почему-то становилось всё жарче. Все уже обмахивались, кто чем, в основном паспортами с вложенными в них посадочными талонами.

– Почему так жарко? Вентиляция не работает?

У меня бисером выступил пот, но почему-то вдруг начал бить озноб. Наверно мозг наконец оценил ситуацию и послал команду организму: «Опасность!» У «американца» этот этап скорее всего был уже позади, потому что он вдруг покорно выдохнул за моей спиной: «Все там будем…»

В руках юноши-стюарда откуда-то появился баллон величиной с литровый термос. Кислород, догадались мы. Прикрутив к нему шланги, он передал баллон девушке из своей команды. Та хлопотала над пассажиркой, которую мы не могли видеть за спинкой стоящего кресла. Женщине плохо!

– Скажите, – негромко, почти интимно, спросила подруга у стюарда, – вам приходилось попадать в аварийные ситуации?

– Да, было один раз. Да вы не волнуйтесь, у нас очень опытный экипаж, – ответил он уже без улыбки.

Наконец потянуло сквозняком, и открыли дверь, через которую тут же вошла бригада техников в комбинезонах с оранжевыми аппликациями и поднялась на второй этаж.

Пассажиры потянулись на выход. Нет, паники не было, люди держали себя в руках, не толкались и даже как будто не торопились. И остановились, когда стюардесса попросила: «Остановитесь, пожалуйста, сейчас пройдёт больная». И мимо нас поддерживаемая под руки прошла худенькая пожилая женщина, та, которую мы не могли видеть за высокой спинкой кресла.

– Скажите, а что, мы полетим на этом же самолёте? – спрашивали у стюардесс выходящие пассажиры.

– Если починят, полетим на этом, если нет – на другом.

Оказавшись в аэропорту, люди как-то растерялись. Пассажиры, все 522 человека, старались держаться вместе. Беспорядочной толпой двинулись куда-то в одну сторону, упёрлись в туалет. Видимо кто-то проворный задал направление движения. Толпа всегда интуитивно выбирает лидера и следует за ним. Несколько человек скрылись за дверью с надписью «WC», остальные, потолкавшись, стараясь не растекаться, так же дружно двинулись в другую сторону. Почему-то опять упёрлись в туалет. Немного поредевшая и расползшаяся, так недавно возникшая, референтная группа начала перемещаться от одного кафе к другому. Пора было и перекусить, ведь от момента посадки в самолёт прошло уже шесть часов, а на борту ничего не было предложено, кроме воды, да и то только тем, кто просил об этом. Цены ошеломляли: солянка – 515 рублей; стакан чаю – 155 рублей. Про кофе и деликатесы и говорить нечего.

– Не было объявлений? Или я прослушала?

– Да вроде не было.

– И на табло никаких сообщений. Должны же покормить хотя бы, – переговаривались между собой уже начавшие узнавать друг друга пассажиры злополучного рейса.

– Сказали, молния попала в кабину.

– Да какая молния? Не было ни удара, ни вспышки. Просто самолёт неисправный. Дерьмо дырявое! Видели, перед взлётом заходил ремонтник в оранжевой куртке? Не случайно, наверное? – так пассажиры пытались разобраться в ситуации, давая свои оценки.

– Что-то нашего американца не видно, – повела я глазами.

– Наверно в туалете Эрнсту звонит, – ответила подруга. – Если боинг будет тот же самый, ни за что не полечу! Пусть хоть сутки придётся здесь торчать, хоть двое…– и с угрозой в чей-то адрес добавила, – потом разберёмся!

Не выпускающая из рук смартфон она вдруг оповестила меня, что наш рейс благополучно и вовремя приземлился в аэропорту «Шереметьево», так по секрету сообщил ей интернет. Мы расхохотались, трагичное и комичное рядом.

Наконец гулким эхом по ночному аэропорту города Сочи прозвучало сообщение, что пассажиры рейса N… могут подойти к кафе «Шоколадница» для получения бесплатного питания. Возле указанного кафе тут же выстроилась очередь с посадочными талонами в руках, обещавшими ужин (или завтрак?) стоимостью в целых 480 рублей. Многие, в том

числе и мы, игнорировали эту очередь, уже поев на свои кровные.

Ещё через пару часов была объявлена посадка на наш рейс. В салоне пассажиров встречала знакомая всем команда.

– Что, это тот же самый боинг? – с ужасом спрашивали входящие.

– Нет, нет, – отвечали измотанные стюардессы, – посмотрите, в том туалетные кабины были вот здесь, а в этом – нет.

Да, слава богу! Вот и багажные полки расположены подругому.

Дальше рассказывать нечего. Полёт прошел быстро и комфортно, как и должен был пройти полсуток назад. И посадка была мягкой, но когда колёса шасси коснулись взлётной полосы, никто не аплодировал, следуя традиции российских граждан. Дурацкая традиция!

– Поехали ко мне, – уговаривала подруга, – хоть три часа поспишь. А утром такси возьмём до Домодедово.

– Что ты! Мне не уснуть. И ты из-за меня не отдохнёшь. Ещё провожать утром поедешь.

Так мягко мы препирались друг с другом, обе уставшие, перенервничавшие, с красными глазами. В конце концов расстались, нежно обнявшись, до конца так и не осознав произошедшее.

На метро и двух аэроэкспрессах я быстро и беспрепятственно добралась по пробуждающейся Москве до Домоде-

дово и без страха шагнула под сень аэропорта, где через пять часов возьмёт меня на борт не такой большой, как боинг, но такой надёжный самолёт родных Уральских авиалиний. Не сочтите за рекламу, но это одна из лучших авиакомпаний не только в нашей стране, но во всём мире. Я ей очень доверяю!

Шесть дней достаточно

Мальдивы. Что же это за страна, где так любят отдыхать «звёзды»? Изнеженные тела на белоснежном песке, уходящем в прозрачную голубую воду. Вот и Волочкова недавно выставила в соцсетях свои фотографии с выложенными камешками узорами на обнаженном теле – видно, уж совсем нечем было заняться (ох и досталось же ей от «поклонников»!). Рай смотрит на нас со страниц глянцевых журналов. Интернет пестрит рекламами: «Приезжайте! Приезжайте!» Ну, мы и поехали, прервав на недельку отдых на Шри-Ланке, ведь это совсем рядом.

Международный аэропорт Мальдив, куда мы добрались воздушным путём, ничем не удивил, разве что не так велик, как мы привыкли видеть в других странах. Так ведь и страна не велика – всё население менее четырёхсот тысяч человек. И потом, для огромного аэропорта нужны большие пространства, а где их взять Мальдивам? Хоть государство и насчитывает тысячу двести островов, но по большей части это такие крошки! На самом крупном, естественно, разместилась столица. Там и проживает основная часть населения. Многоэтажки стоят плотно-плотно, подступая к самой воде. Домам тесно. Тесно и людям в этой стране. Ведь если быть математически точной, то на одном квадратном километре умещается тысяча двести человек. Вот и едут маль-

дивцы в Шри-Ланку, чтобы пожить там и поработать. Многие и остаются навсегда. Хоть и остров тоже, но несравнимо больших размеров.

Автомобильный транспорт здесь не в почёте – много ли машин надо, чтобы колесить по дорогам, общая протяжённость которых всего восемьдесят восемь километров? Железнодорожного транспорта и вовсе нет. Катера, лодки – вот что в приоритете в этой стране. Да ещё гидросамолёты, постоянно курсирующие между островами.

Вот и нам до отеля пришлось добираться уже гидросамолётом. Я ждала этого путешествия как приключения. Что это за птица такая – гидроплан? Или рыба? Оказалось – что-то среднее между ними. Маленький самолётик лежит пузом на воде, опираясь на два прикреплённых по бокам понтона. Вода вскипает под его хвостом, заставляя перемещаться. Самолётик маневрирует у причала, выбирается на открытую воду и, набрав скорость, отрывается от «взлётной полосы». Летит тяжеловато, низко. Когда с суши видишь такое чудо над своей головой, кажется, что огромный тримаран случайно оказался в небе. С десяток пассажиров салона (больше гидроплан не вмещает) прильнули к иллюминаторам. Чуть в стороне проплывает и остаётся позади столица Мале. Под нами ультрамариновая морская гладь с просвечивающим дном, а на ней светлыми пятнами островки.

А вон, вон тот самый отель в виде рыбки со сбегающими в воду домиками на сваях, что мы видели в интернете!

Теперь понятно, откуда были сделаны снимки, используемые в рекламных роликах. Гидроплан садится на воду, аккуратно подплывает к крохотной деревянной платформе на понтонах, высаживает пассажиров и исчезает в небе. Возможно, платформа не так и мала – метров десять на десять, но в масштабах Индийского океана кусочек суши, болтающийся на волнах в бескрайнем водном пространстве, вызывает у горстки людей, ёжащихся на ней под назойливым ветерком, чувство дискомфорта и незащищённости. Наконец уже более привычный морской транспорт – катер берёт на борт пассажиров и минут через двадцать доставляет к месту отдыха. Всё! Из этого рая уже не вырваться – только ждать окончания срока.

Мы знали, что остров, на котором нам предстоит жить, мал, но не представляли, что настолько. Сто метров в длину и пятьдесят в ширину. Кроме того, высокий забор отгораживал часть суши, видимо, за ним прятались хозяйственные помещения. Несколько двухэтажных каменных домиков для отдыхающих вдоль извилистой дорожки, в центре бар, сувенирный магазинчик, лобби, крохотный декоративный бассейн, терраса у моря – всё укрыто пышной тропической зеленью и с пляжа совершенно не просматривается. А вот ресторан под нахлобученной крышей, раскорячившись на сваях,

нависал над водой. В центре просторного зала за высокими перилами открытый проём, где можно видеть, как в воде помахивают своими «крылышками» скаты и резвятся небольшие коралловые акулы. Они плавают и вокруг ресторана. Если подойти с берега поближе, можно рассмотреть их, но стоит только ступить ногой в воду, как рыбы стремительно улетают прочь. Окон в ресторане нет – всё те же открытые проёмы со скатанными и поднятыми вверх шторами на случай дождя. Хитрые вороватые вороны, сидя на ограждении, косят круглым глазом в ожидании, когда ты отойдёшь за следующей порцией еды, чтобы стащить с твоей тарелки кусочек-другой. Грозить им и махать руками – бесполезное занятие. Они лишь, переступив лапками, отодвигаются на пару сантиметров и продолжают терпеливо ждать. Серые цапли, хоть и кружат неподалёку и присаживаются на безопасном расстоянии, полны достоинства. А цель у них та же, что и у ворон, – подкрепиться. Другой живности на острове вроде бы и нет. Не досаждали и комары. Одним словом – рай!

В номере дважды в день проводят уборку. Обслуживающий персонал – бессловесные молодые мужчины, появляются как тени, когда мы уходим, будто поджидают этого момента в густой зелени острова. Пару раз столкнувшись с ними в номере, мы предложили им продолжить работу, но они молча, с виноватой улыбкой опять исчезли как тени. Работа обслуживающего персонала сложна уже хотя бы тем, что

он находится здесь в командировке. Через два месяца его сменит другой коллектив. Вахтовый метод, жизнь в отрыве от семьи продиктованы спецификой островного государства. Рассуждаю об островитянах, забыв, что сама родилась на острове. Покинув свою родину в грудном возрасте, разумеется, я даже не представляю, что такое Сахалин, но фактом своего рождения горжусь и иногда пользуюсь для того, чтобы шокировать собеседника – ведь не каждому повезло родиться на острове. Видимо, мальдивцы не распознали во мне родственную душу – в первый же день менеджер ресторана схватил меня за руку и подтащил к толстощёкой китаяночке лет трёх. Бесцеремонно тыкая в меня пальцем, он что-то возбуждённо говорил малышке, приходя в восторг от того, что нашел такое чудо и может продемонстрировать его, будто какую-то вещь. От такого вероломства я просто оторопела.

Естественно, нашим основным занятием стало посещение пляжа, этого стерильного и настолько красивого места, что на язык опять просится слово «рай».

А чем ещё заниматься в раю?

Наша дружба с молоденькой счастливой парой, только что поженившимися русскими студентами, приехавшими провести здесь медовый месяц, началась с того, что они попросили у нас штатив, чтобы сделать совместное фото. Потом мы фотографировали их, они – нас, придумывали всё новые сюжеты: в воде, на ветру, на белом, как крахмал, песке, на руках у мужа, на его спине… А чем ещё заниматься в раю? Можно покачаться в гамаке, посидеть в баре. Ах, да – риф! Поползать в маске над этими симпатягами-рыбками, кото-

рым до тебя и дела нет – выискивают себе что-то в кораллах. Одиночки и стайками. Серые в полосочку и яркие жёлто-синие, совершенной формы. Длинные, острые, с прозрачным телом – не зря их называют иглами. Блеснёт перламутровым боком сине-зелёный полуметровый красавец, к которому страшно приближаться. Если повезёт, можно увидеть даже нос пятнистой мурены, затаившейся в расщелине. А это что за чудо с квадратным туловищем, с кокетливой россыпью голубых горошков? Впрочем, не все рыбы так безобидны. Тёмно-бордового цвета размером с ладонь плавают парами. Довольно агрессивны. Подлетают почти к самому лицу, замирают на мгновение и стремительно уносятся прочь. Сделав круг, возвращаются и опять атакуют. Приходится выставлять вперёд кулаки или отмахиваться подобранным коралловым обломком. Если не совершать резких движений, рыбки смелеют, подплывают поближе. Но не стоит разбрасывать вокруг себя хлебные крошки – зубки у коралловых рыбок очень острые! Огромная разноцветная распахнутая раковина с волнистыми плюшевыми краями так и приглашает прикоснуться к ней. Дотронешься палочкой, она мгновенно стискивает челюсти. А что будет, если заменить палочку пальцем? Ну уж нет! А как украшают подводный пейзаж морские ежи, выставив свои чёрные полуметровые иглы! Но, проплывая над ними, невольно втягиваешь живот, не приведи господь коснуться иглы, чтобы потом не пришлось, морщась от боли, выковыривать из своей кожи хитиновые крош-

ки. Хитрых тварей, маскирующихся под дно морское или удачно спрятавшихся, мы, конечно, не могли заметить своим неопытным глазом, но два-три десятка морских обитателей точно могли бы насчитать. Правда, учёные утверждают, что здесь тысяча сто видов рыб, сто сорок пять видов крабов, пять видов морских черепах, а ещё какие-то веслоногие, бокоплавы и ещё бог знает кого только нет. А вот в то, что кораллов здесь сто восемьдесят семь видов, я готова поверить. Как они завораживающе красивы! Можно любоваться ими бесконечно: круглые, густо изрезанные волнистыми бороздами, похожие на огромный человеческий мозг, ветвистые, как оленьи рога, застывшие каменные кусты, огромные греческие сосуды… Величественно, мощно, неповторимо!

В то, что кораллов здесь сто восемьдесят семь видов, я готова поверить.

Хоть наш островок и чрезвычайно мал, мы не чувствовали себя совершенно заброшенными. Напротив маячил ещё один такой же, похожий на наш островок. Днём видна суша с шапкой пальм, ночью – нитка огней. Он не так уж и далеко. «Не вздумайте туда плыть, – предупредила нас соотечественница, – моему мужу едва хватило сил вернуться, когда он понял, что неверно оценил расстояние. А там такое течение между островами!»

Развлекали нас не часто. Однажды были устроены крабьи бега. То ли это было сделано в угоду отдыхающим, то ли – чтобы оживить работу бара. Заранее выловлены и помещены в банку крупные крабы. Каждый желающий мог выбрать понравившегося краба, на спинку которому прикреплялся номер участника состязаний. Можно взять нескольких крабов. На площадке, вокруг которой собралась нетерпеливая публика, от центра, как круги в воде от брошенного камня, разбегалось несколько окружностей, отсыпанных песчаными валиками. Смысл состязаний заключался в следующем: кто первым из вытряхнутых в центре крабов перевалит через валик последней окружности, тот и победил. Владельцам трёх победивших крабов полагаются призы – бесплатные напитки из бара. «Ван крэб – ван дринк», – выкрикивала весёлая аниматорша. По сигналу начались состязания. Под гика-

нье и вопли бедные крабы рванули, кто куда. Наиболее решительные двигались по радиусу, преодолевая один валик за другим, более осторожные плутали в пределах первой самой маленькой окружности, не решаясь преодолеть песчаную стеночку. Было шумно, весело. И уже не столь непреодолимыми казались языковые барьеры. Индийский, пакистанский, арабский, европейские языки звучали единым хором. Потом владельцы победивших крабов гордо пили свои дринки.

Однажды были устроены крабьи бега.

Стоя по пояс в воде, разговорились с француженкой, я – на корявом, она – на более совершенном английском, но понять друг друга смогли. «Кто вы?», да «откуда?».

– А Урал – это где? Это Сибирь?

– Нет, это горы между Европой и Азией.

– А-а-а…

– Здесь хорошо.

– Да, очень хорошо.

– Вы надолго?

– Шесть дней.

– И мы на шесть дней.

– Шесть дней достаточно, – сказала француженка с каким-то обречённым видом.

– Да, достаточно.

Шум прибоя и ветра в кронах деревьев постоянен. Его нельзя выключить. Особенно он слышен ночью. Вода плещется в трёх метрах под нашим окном. И от этого в темноте становится не по себе. Мало ли что придёт океану в голову? А островки возвышаются над водой всего на два метра. Теперь я понимаю, почему в этой стране нет преступности. Правоохранительные органы придумали самое страшное наказание для провинившихся – ссылка на необитаемый остров, туда, где нет никого, только ветер раскачивает пальмы. И от этого не утихающего ни днём ни ночью шума можно заболеть или сойти с ума. Другое дело отдыхающие. Они

приезжают сюда добровольно, чтобы послушать именно этот шум, оторваться от сумасшедших будней и забыть все проблемы выматывающих мегаполисов. Но шесть дней достаточно. Достаточно.

Плюс, минус

Не дай бог узнать про эту историю кому-нибудь из молодых – засмеют! Но Лизе было не до смеха. Два года! Два года счастья и страданий.

– Никому не верь, что в семьдесят лет невозможна любовь, – откровенничала Лиза с подругой, – я и подумать не могла, что со мной может случиться что-то подобное.

Подруга предпочитала вежливо отмалчиваться. Ей как раз только что исполнилось семьдесят. Но дело было не в возрасте. Год назад не стало её мужа, унёс проклятый коронавирус. И мысль о том, что его может заменить какой-то чужой старик, казалась ей кощунственной. Все особи мужского пола в этом возрасте представлялись ей дряблыми, неопрятными, вынимающими свои зубы перед сном, чтобы положить их в стакан с водой. Сварливые, зацикленные на своих болезнях, желающие, чтобы заботились только о них, живущие прошлым, в сотый раз вспоминающие свои скучные истории или, желая блеснуть остроумием, в десятый раз рассказывающие затасканные анекдоты – вот таким виделось ей это племя. Ну уж нет, это не для неё. Может быть, некоторые из перечисленных признаков уже и начинали проявляться в её муже, но она этого не замечала. Все сорок восемь лет он оставался для неё Коленькой, всё тем же пацаном – весёлым гитаристом, хохмачом, с коротким ко-

лючим ёжиком. Только волосы почему-то стали совершенно белыми с голубым отливом. Ей не хватало сейчас только одного – не к кому было прижаться, чтобы засыпая чувствовать живое человеческое тепло. Ей стыдно было идти в театр без мужчины (будто она была голой), даже если рядом была подруга. Подруга ведь не станет надевать пальто на твои плечи и платить в театральном буфете за традиционный эспрессо с глотком коньяка и бутербродик с икрой. Переживания Лизы были ей непонятны и даже смешны, когда распираемая эмоциями та доверительно делилась ими с ней.

– Ну, давай развлекайся, – снисходительно говорила она, – ты у нас ещё молодая, тебе даже семидесяти нет.

– В этом году будет!

Дружба двух женщин насчитывала столько же лет, сколько длились и их браки. Но с новой силой она вспыхнула, когда не стало их мужей. Сначала – Лизиного, а через год – Вериного. Если Верин Коленька сгорел за две недели, то Лизин Пётр угасал долгие три года. Его сердце в каменном мешке с трудом гоняло кровь по телу, превращая его в неповоротливую стокилограммовую глыбу. Измученная, отчаявшаяся Лиза терпеливо несла свою ношу до самого последнего дня. Почерневшая и постаревшая неутешно рыдала над гробом. Поэтому многие, наверно, удивились, когда уже через два месяца после похорон стал наведываться к ней высокий, подтянутый, с интеллигентной бородкой мужчина. Боясь, что её могут заподозрить в чём-то непристойном, Лиза

как бы оправдываясь, то одному, то другому рассказывала: «Это мой одноклассник. Золотые руки. Сколько он сделал мне всего в саду! Петя же три года там не появлялся. Я всё одна, одна, ну посажу, прополю… А там дел накопилось! Всё рушится. Мужские руки нужны» Уже поправлено покосившееся крылечко, налажена система полива, покрашены и выставлены в рядок бочки, но, несмотря на усердие одноклассника, дел в саду не убавлялось, а наоборот прибывало. Начатая накануне работа требовала продолжения. Стало быть, нет смысла тащиться на автобусе полтора часа до посёлка, где посреди шестнадцати соток высится красавец-дом, построенный его собственными руками, а на следующее утро – полтора часа обратно. Это же сколько времени потеряешь! И одноклассник Саша стал задерживаться у Лизы на денёк, а то и на два-три. Да и в квартире, оказывается, столько всего надо починить.

Соседки понимающе поглядывали, которые полюбопытнее, спрашивали напрямую:

– Я смотрю, у вас мужчина появился? Приятный такой. Вежливый.

– Да что вы, он мне просто в саду помогает, – убеждала в первую очередь себя Лиза.

Пылесос, который работал еле-еле, однажды вечером был подвергнут тщательному техническому освидетельствованию. Разобранному по винтикам, ему не удалось скрыть причину своей немощи. Саша торжествующе поднял над го-

ловой крохотную загогулинку, объявил её виновницей неполадки и приговорил к замене. Лиза тут же забыла её название. Впрочем, через два дня, после того как он не смог ни в одном магазине отыскать эту штучку, ей всё же пришлось записать её название.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.